

Откровения Пастыря Ерма

Альманах “Богомыслие” продолжает знакомить читателей с первоисточниками и образцами раннехристианских писаний. В предыдущих выпусках были опубликованы: “Дидахе” (“Учение двенадцати апостолов”, вып. 1), произведения Поликарпа Смирнского (вып. 3), Иустина Философа (вып. 2), Тертуллиана (вып. 4), Оригена (вып. 3). В настоящем выпуске мы представляем читателям малоизвестную раннехристианскую апокрифическую книгу “Пастырь” Ерма.

Ерм среди мужей апостольских

Письменные памятники ранней христианской Церкви, относящиеся к периоду мужей апостольских (конец I – середина II вв.), к сожалению, очень немногочисленны. Мужья апостольские, являясь непосредственными преемниками учеников Христа, приняли всю полноту ответственности за переданную им на попечение молодую Церковь. Все свои силы они направляли на ее укрепление и устройство. Не случайно их послания почти не содержат объяснений богословских, доктринальных вопросов, но сосредотачиваются, главным образом, на решении практических проблем и трудностей роста Церкви в условиях враждебного окружения языческого мира.¹

Одним из самых объемных христианских писаний периода мужей апостольских является книга “Пастырь” Ерма. Это интересный литературный памятник, сохранивший многие подробности о духовном состоянии христианства конца I – начала II вв., и в ближайшем контексте – о Римской церкви. Написанная в форме аллегорического откровения, эта книга является исключительной в этом роде среди писаний мужей апостольских. Это не послание или письмо лидера, стремящегося наставить, ободрить или обличить Церковь, но незамысловатый рассказ простого христианина Ерма о том, что ему было открыто свыше небесным “Пастырем”. Эта книга необычна и по содержанию:

откровение имеет прямую апокалиптическую направленность. Книга Ерма дополнила, в общем-то, небольшой слой христианской апокалиптики того времени.

Апокалиптические книги предназначались в то время для чтения вслух в Церкви. В них нужно было входить эмоционально, и выразительность речи чтеца должна была усиливать воздействие страшных, таинственных образов, и само это “вхождение” являлось мистическим действием и погружением в неизведанное [10, с.10]. Неудивительно, что подверженность подобным спекуляциям на волне чувств совсем не свойственна для писаний мужей апостольских. Выдержанные в духе Священного Писания, они сосредотачивались вокруг практических заповедей христианской жизни, очень часто напоминающих Нагорную проповедь Спасителя.

В этом отношении сюжет “Пастыря” очень сильно отличается от содержания посланий мужей апостольских. Но то же самое моральное учение и приземленность аллегорических образов на практические христианские добродетели сближает произведение Ерма с ними.

В связи с этим, заслуживает внимания точка зрения Michaels [17, с.213], который считает, что Ерм может быть с трудом назван одним из отцов, которые взяты вместе произвольно в другой традиции и, по-видимому, почти случайно. Действительно, образ Ерма совсем не подходит для личности отца и наставника Церкви. Большую роль, очевидно, в принятии его именно в таком

¹ См. Альманах “Богомыслие”, вып. 3, 1992, стр.94-118.

качестве сыграло отождествление автора с упомянутым в послании ап. Павла к Римлянам Ермом (Рим.16.14). Тем не менее, несмотря на справедливость замечания Michaels, есть достаточно серьезные аргументы, позволяющие считать достойным присутствие “Пастыря” в одном ряду с писаниями мужей апостольских.

Однозначно всеми принято появление произведения именно в этот период и оно неоднократно цитируется церковными писателями как богодухновенная или полезная книга раннего христианства. И хотя личность Ерма достаточно слаба, но роль отца и наставника в данном случае может на себя взять само произведение, чьи образы неоднократно побуждали и побуждают христиан задуматься о своей жизни и вечности. Как подметил в своей проповеди Феофан Затворник, из этого произведения каждый может почерпнуть то, что найдет нужным [15, с.32].

Каноничность

I. Книга “Пастырь” Ерма высоко оценивалась до-Никейскими отцами. Написанная в Риме, не позднее 170 г. по Р.Х., она пользовалась большим уважением в первые века христианства и иногда цитировалась как Писание в трудах ранних богословов.

- Так Иринеи, который приводит из нее слова первой заповеди, выразился таким образом: “Хорошо говорит Писание...” [2, с.191].
- Климент Александрийский и Ориген также пользуются этой книгой как богодухновенной. Климент Александрийский приводит из “Пастыря” многие места, как из сочинения всеми уважаемого.
- Бл. Иероним отзываясь о книге следующим образом: “Книга “Пастырь” в некоторых греческих церквях читается всенародно, и в самом деле, сочинение это весьма полезно, и многие из других писателей заимствовали из нее свидетельства; но у римлян оно почти совсем не известно” [8].
- “Пастырь” входил в Александрийский канон (III в.), а также содержится в древнейшем, дошедшем до нас, списке Нового Завета, так называемом Синайском кодексе (IV в.).
- Киприан признавал ее спорной, возможно, авторитетной.

- Афанасий считал ее спорной, но допускал ее чтение при богослужении.
- Гиппонский и Карфагенский соборы не признали эту книгу авторитетной;
- Фрагмент Муратори называет эту книгу назидательной, но не авторитетной.
- Евсевий Кесарийский (IV в.) выступил против канонизации “Пастыря”, называя это сочинение в числе подложных, считал книгу негодной, возможно, вредной. В своей “Церковной истории” он отмечает, что противодействие некоторых против книги “Пастырь”, препятствовало принятию ее в число книг общепризнанных [2, с.192]. Но добавляет: “Надобно знать, что книгу “Пастырь”, почитали сочинением весьма необходимым, особенно для людей, приступающих к начальному познанию веры. Посему она, как мы знаем, была читаема в церквях всенародно, и предание говорит, что ею пользовались самые древние писатели [7, кн.3, гл.3].

II. “Пастырь” действительно оставляет впечатление мифологичности, когда автор находится во власти своих образов, видений (заметим, что некоторые видения Ерм видел во сне). В описании отдельных деталей видений и притч прослеживается несогласованность, что не характерно для богодухновенных текстов. Такие особенности текста настораживают и не позволяют признать его в качестве богодухновенного писания, освобожденного от примеси “человеческих элементов”. Исследователи, изучавшие “Пастырь”, находят следы различных факторов, которые могли оказать влияние на содержание книги. Так Преображенский указывает, что Ерм мог находить образы в Откровении Иоанна, книге пророка Даниила и особенно в 3-й книге Ездры. “Пастырь” действительно содержит большое количество деталей, дублирующих 3-ю книгу Ездры:

1. Ерм встречается с “Пастырем” – Ангелом покаяния (Вид. V), подобно как Ездра получает в руководство Ангела Уриила, который открывает ему три пути и три подобия (3,1-3).
2. Ерм (Вид. III. 1) как и Ездра (9.26) приглашается на поле для явления ему видения.
3. Женщина, явившаяся Ездры (9.38-10.27), исчезает в таинственном шуме, как и в случае с Ермом (Вид. IV. 3).

4. Ерм (Вид. II, 4) как и Ездра (12.37) получает задание написать все виденное и слышанное и передать для научения другим.

Эти параллели наводят на мысль, что книга Ермы, в некотором роде, является перенесением на христианскую почву приемов, использованных в иудейской апокалиптике [2, с.185-186].

Очевидно, у верующих ранней Церкви богодухновенность этой книги также вызвала споры и сомнения. И, в конце концов, она не была принята в новозаветный канон. Тем не менее, в книге нет ничего противоречащего Евангелию; настойчивый призыв к покаянию, исполнению заповедей Божиих – истинно евангельский призыв. И даже, если литературная форма книги в виде аллегорических откровений, использована автором в качестве художественного приема ради утверждения своих идей, то и в этом случае, отвергая эту внешнюю форму, нельзя не признать глубокий назидательный смысл книги.

“Во всяком случае, – утверждает Michaels, – несомненно, что “Пастырь” был популярным в ранней Церкви. Это была захватывающая история, насыщенная яркими аллегорическими образами, остро говорящая о вечной проблеме греха и покаяния в жизни крещенных христиан” [17, с.213].

Однако уже к концу IV века, когда Иероним писал свой список церковных писателей, оказалось, что книга почти утратила свою известность на Западе и была распространена только в Восточной церкви. Падение ее авторитета среди латинских церквей началось еще в период появления “Мураториева канона”, когда причиной ее непринятия в число авторитетных книг указывалось написание ее в “недавнее время”. Частично принятая церквами, она долгое время еще оставалась известной на Востоке как книга неканоническая, но полезная для чтения, назидательная (подобно книгам Премудрости Соломона, Сираха и др.).

III. Но несмотря на забвение книги на Западе, она была впервые опубликована не с греческого оригинала, а с древнего латинского перевода в 1513 г. в Париже Иаковом Стапульским. Отрывки греческого текста сохранились только в цитатах греческих церковных писателей. Но в 1856 году был найден и греческий текст, почти полный: не

достает только семи последних глав, именно, кроме окончания 30-ой главы, еще следующих трех глав девятой причты и четырех глав десятой. Он был открыт известным по своим литературным подлогам греком Симонидесом на Афонской горе в рукописи, которая, по мнению, К.Тишендорфа, принадлежит к XIV веку.

Сомнение о том, действительно ли текст Симонидеса обязан своим происхождением древней рукописи, скоро уничтожилось. Но оставалась еще другая возможность. Греческий текст самой Афонской рукописи не есть ли сделанный в средние века перевод с латинского? Об этом поднялся ученый спор. Тогда как Тишендорф старался доказать это предположение², Ангер и потом Голленберг³ защищали новый греческий текст и утверждали, что он представляет оригинальный текст “Пастыря”. Во время нового путешествия на Восток, предпринятого за счет русского правительства, Тишендорф нашел в одной монастырской библиотеке весьма драгоценный, по его суждению принадлежащий к IV веку, кодекс Библии (названный ныне Синайским), который кроме послания Варнавы, содержит первую часть “Пастыря” на греческом языке. Открытие этой рукописи должно было или подтвердить, или опровергнуть прежние сомнения Тишендорфа. Случилось последнее. Он сам пишет: “Я с радостью могу сообщить, что лейпцигский текст (Симонидеса) произошел не из средневековых ученых занятий, но из оригинального текста. Мое прежнее противоположное мнение справедливо только в том отношении, что лейпцигский текст имеет много повреждений, явившихся, без сомнения, в средние века”.⁴

Таким образом, книга “Пастырь” известна в четырех редакциях, к которым можно прибавить еще пятую – в эфиопском переводе. Он найден французским ученым Антоном d’Abbadie в одном эфиопском монастыре и издан вместе с латинским переводом, с него сделанным в 1860 году (в Лейпциге) *Abhandlungen für Kunde des Morgenlands. B. II. № 1. Немецкий ученый Дильман,*

² В статье, помещенной в пролегоменах к Дресслеву изданию творений мужей апостольских: *De Herma graeco Lipsiensis.*

³ W.Hollenberg, *De Hermae Pastoris codice Lipsiensis. Berol. 1856.*

⁴ Leipzig. Zeit. 1859. Theolog. Quartalschrift. Tübing 1860, 1. Hft.

занимавшийся этим изданием, полагает, что эфиопский перевод сделан с греческого экземпляра и принадлежит к древнейшим памятникам эфиопской литературы. Позже были найдены греческий текст на Афонской горе и фрагмент в Синайском кодексе Тишендорфа.

В настоящее время “Пастырь” Ерма сохранился в Синайском кодексе, Ватиканском и Палатинском. Также в Лейпцигских манускриптах, привезенных с Афона [22, с.7]. Существуют, по свидетельству Buttrick [18, с.584], два латинских манускрипта, и причем один из них почти со времен Ерма, Коптский и Эфиопский фрагменты, множество фрагментов греческих папирусов.

Авторство

I. Вероятно есть не так много раннехристианских произведений, относительно авторства которых, существует столь большое разнообразие мнений, как относительно “Пастыря”. Вопрос авторства, возможно, не настолько важный для другого случая, в данном – чрезвычайно важен, т.к. он вплотную затрагивает канонические споры вокруг книги и датирование ее написания, а также проясняет догматическую направленность текста. Большинство комментаторов высказывает три основных взгляда на авторство:

1. книга была написана Ермом, жившим во времена ап. Павла, о котором Павел упоминает в своем послании к Римлянам (Рим.16.14);
2. книга была написана Ермом, братом римского епископа Пия, около 150 г. в Риме;
3. книга написана Ермом, братом Пия, но он описывает не самого себя, а легендарную личность апостольского Ерма.

В отношении первого взгляда на авторство “Пастыря” существует сильное внутреннее свидетельство книги: Ерм описывает себя современником Климента, римского епископа, скончавшегося около 101 г. по Р.Х. Также, упоминаемое в книге грядущее гонение, может быть гонением при императоре Траяне (98-117 гг.). Христиане были приводимы к начальникам и допрашиваемы, многие из них умерли исповедниками и даже мучениками, другие отреклись от Господа [2, с.208].

II. Мнение о том, что автором “Пастыря” является Ерм, упомянутый Павлом в приветствии к Римской церкви, впервые высказал Ориген [2, с.149]. То же свидетельствует Евсевий: “В конце послания к Римлянам апостол упоминает между другими и о Ерме, которого, говорят, есть книга “Пастырь””. Такое же суждение об авторстве “Пастыря” высказывает Иероним [2, с.149]. На этих свидетельствах “Пастырь” достиг средневековья и в Ватиканском кодексе XIV в. указывается: “Конец книги “Пастырь”, ученика Св. ап. Павла” [2, с.149].

В наши дни ряд восточных комментаторов книги придерживаются именно этого свидетельства, идущего из древности. Так, А.П.Лопухин проводил аналогию по Клименту и датирует книгу 96-101 гг. по Р.Х., аргументируя это тем, что, судя по внутреннему свидетельству книги, еще не установились наименования степеней иерархии, в церкви существует дар пророчества, и сектанты еще не выделились из среды Церкви [13, с.494]. Утверждение “Мураториева канона” относительно “недавнего времени” написания “Пастыря”, он считает попыткой подорвать авторитет книги, которая считалась канонической. Старания некоторых ученых отнести ее ко времени Пия могут вести, по его мнению, к мысли о нескольких авторах, чему решительно противоречит единство языка и стиля книги. В отношении внешних свидетельств А.П.Лопухин приводит суждение древних богословов. Подобной точки зрения придерживаются архимандрит Феогност и епископ Феофан Затворник, опираясь также на церковное предание относительно книги Ерма [15, 16].

III. Вторая точка зрения сформировалась под влиянием “Мураториева канона”. Во фрагменте, найденном в 1740 г. исследователем древностей Мураторием, и который был составлен в Риме около 200 г. (по некоторым другим данным около 170 г.), приводится список авторитетных новозаветных книг того времени. По поводу апокалипсисов составитель списка пишет: “Из откровений мы признаем Иоанна и Петра, которое из наших не хотят читать в церкви. Но Герма написал “Пастыря” уже в наши дни в Риме, когда епископом был его брат Пий. Поэтому его нужно читать, но не публично в церкви, ни среди (писаний) апостолов, ни среди пророков” [10, с.27].

Эта точка зрения на авторство “Пастыря” поддерживается большинством западных богословов. Ее поддержке способствует, отмечаемая некоторыми, антимонтанистская направленность текста, что расценивается как своего рода “прививка” против этой “инфекции” раннего христианства [22, с.5].

На прямой связи с монтанизмом, в качестве противоядия ему, настаивают Робертс и Дональдсон. По их мнению, как только первые признаки этого заблуждения стали волновать христианство на Востоке, Ерм, по просьбе своего брата, написал противомонтанистское произведение. Сам монтанизм в “Пастыре” не назван, но исследователи находят, что его видения, заповеди и притчи были во многом направлены против “языческих” фригийских оракулов. Ерм убедительно показывает истинную форму христианства, не страдающего излишней строгостью и неумолимостью, но прощающего и ждущего покаяния грешников.

Нам, может быть, это не вполне понятно, но в те дни, когда монтанизм вскоре захлестнет Церковь и западная ее часть вскоре падет под влиянием авторитета Тертуллиана (презрительно отзывавшегося о “Пастыре”), когда будет провозглашено, что спасены только те, кто плодоносны, как Киприан с характером столь же сильным как и у него, то тогда, может быть более ясно, почему “Пастырь” так легко был принят за пророчество первого века и распространялся благодаря поддержке епископов. Конечно, это мнение не беспорно, но, безусловно, заслуживает внимания. Причем, в этом случае вопрос датирования произведения и авторство его встает довольно жестко.

Quasten приводит в качестве аргумента использование латинизмов в оригинальном тексте “Пастыря”, указывая на то, что примерно в середине II в. в Риме латынь все чаще и чаще начинает звучать на улицах города, вытесняя греческую речь. Что сделало необходимым иметь первый перевод книги на латыни [21, с.154].

Иногда звучит мнение о том, что, по крайней мере, четыре первых видения Ерма могли быть датированы началом II в., тогда как поздний Ерм дописал остальную часть книги, но это предположение носит сильно искусственный характер, как отмечал А.П.Лопухин, и не подтверждается текстом.

Принимая эту точку зрения, мы должны будем представить сюжет книги как события, разворачивающиеся в середине второго столетия, когда церковь уже не имела в живых апостолов – очевидцев смерти и воскресения Христа.

IV. Третий взгляд на авторство книги представляет собой слияние и использование частей первых двух. Книга является произведением Ерма, брата римского епископа Пия, который описывает жизнь своего предшественника, упомянутого Павлом в послании к Римлянам. Это как бы голос из апостольского века к современникам Ерма, находящимся в Римской церкви середины второго века.

Эта точка зрения горячо отстаивается Робертсом и Дональдсоном. Соглашаясь с датой, предполагаемой согласно “Мураториева канона”, они отмечают, что фрагмент есть историческая почва для даты, данной этому автору [22, с.3]. Век Ириния и мучеников Лиона – есть тот период, когда произведение Ерма было написано и стало популярным среди христиан. Они предполагают, что многое в произведении могло быть составлено по воспоминаниям семьи апостольского Ерма, кто были живыми памятниками обновляющего действия Духа, которым был благословен их дом.

В качестве аргументов, поддерживающих их мнение об авторстве, они приводят следующие доказательства:

а) Ерм приводит пример истинного пророчества, сбывающегося перед глазами читателей в противовес фригийским подделкам, которые начали захлестывать христианство на Западе, о чем предупреждал еще ап. Иоанн в Первом послании: “...испытывайте духов, от Бога ли они” (1Ин.4.1). Автору был необходим образец здорового пророчества апостольского века.

б) Как Ириней принял традицию Поликарпа, так его современник Ерм, собрав многие пророчества первого века, продолжил традицию как наследник Климента.

в) Подобно другим поэтам и писателям, описывающим жизнь героя прошлого времени, брат Пия допускает множество анахронизмов, смешивая свой период с тем, который он описывает.

г) Написанный на греческом, он был ограничен в циркулировании на Западе. Но как чума монтанизма распространилась и на Востоке, его греческий был адаптирован для Запада. Ориген дал ему первоапостольскую значимость, и с этим авторитетом он вновь предстал для Западной церкви в качестве пророчества апостольского века [22, с.56-57].

Кем бы, впрочем, не был автор “Пастыря” – Ерм ли – апостольский муж, или другое лицо, скрывшее себя под этим именем,⁵ – во всяком случае, эта книга является замечательным явлением в древнехристианской литературе. Опираясь на откровение свыше, указывая на близкий конец мира, Ерм хочет своею проповедью о покаянии⁶ противодействовать вторгшейся в церковь распущенности нравов и возвести христианскую жизнь к изначальной простоте, строгости и чистоте.

Сюжет

Личность автора

Так как авторство книги точно не установлено, поэтому о Ерме нам известно только то немногое, что сообщается в его книге. Богу угодно было, чтобы сведения о земной жизни Ерма, так же, как и сведения о жизни многих праведников, пророков, апостолов и простых верующих навсегда остались в забвении для земной Церкви. И это Божий принцип, прослеживающийся на протяжении всей библейской истории, и о котором ап. Павел замечает: *“...незнатное мира и униженное и ничего не значущее избрал Бог, чтобы упразднить значущее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом”* (1Кор.1.26-29).

Трудно сказать насколько точны сведения о Ерме, но в данном случае более важен не сам реальный автор, а его образ. Личность Ерма, простого христианина, живущего в Риме, совсем не похожа на могучие фигуры таких мужей апостольских как Поликарп или Климент. Очевидно он был далек и

⁵ К этой же мысли близка И.С.Свенцицкая: она предполагает, что, возможно, подлинный автор “Пастыря” скрывается под вымышленным или легендарным именем, что характерно для религиозной литературы того времени [9, с.158].

⁶ Эблонейский пророк Елкисай назначал такой же день покаяния, как и Ерм в 3-й год Трояна [17, с.216].

от их круга забот, сосредоточен на самом себе, живя так до тех пор, пока небесный посланник не открыл ему правду о нем самом и Церкви Божией, нуждающейся в обновлении покаяния.

По происхождению Ерм был из вольноотпущенных рабов, попытавшихся выбиться в люди. Некоторое время он преуспевал в мирских делах, разбогател, но затем разорился. По его собственному свидетельству, когда он был богат, то был бесполезен для Господа, но обеднев, стал полезен и годен для жизни (Вид. III. 6).

В семейной жизни Ерм, по-видимому, не был счастлив. Когда он случайно встретил девушку, которую когда-то любил, то предпочел ее в сердечном помысле своей жене. О детях же его сказано, что “дети сильно развратились и стали предателями родителей” (Вид. II. 2-3).

За преступления своего дома (Вид. II, 3) Ерм, как глава семьи, потерпел “большие мирские бедствия” (вероятно, потеря богатства), так как он не обращал внимания на преступления своих близких, не призывал детей и жену к покаянию и исправлению, но оставил их на произвол судьбы, предавшись своим личным делам. За это Бог сурово обличает Ерма и предупреждает о наказании, если он и весь дом его не покается.

Итак, перед нами предстает довольно печальная картина: Ерм, погруженный в мирские дела, в которых он не всегда в общемто был честным (Зап. III), не видит выхода из своего положения, которое отягощается недобрым нравом и злым языком его жены, а также распущенностью его детей. Но сам Ерм не отступил от живого Бога, сохранил веру, имел кроткий, добрый нрав, пребывал в воздержании, удалялся от всякого преступного пожелания, был терпелив, умерен и всегда весел (Вид. I, 3), а также исполнен простоты и великого незлобия (Вид. I, 2). И милость Божья не истощилась над ним: Бог непосредственно обратился к нему, чтобы обличить и наставить. И лишь после этого, как бы испытав его и убедившись в чистоте сердечных помыслов Ерма, Бог удостоил его славы Божественного откровения.

Интересно подметить как под руководством Ангела, посланного ему свыше, изменяется облик Ерма. Из человека, оправдывающего самого себя за свои похотливые

помыслы (Вид. I. 1), и имеющего в общем не плохое мнение о себе, он приходит к пониманию собственной греховности и помрачения от прежней суетной жизни (Зап. II, 2).

Видения Ерма

Книга Ерма разделяется на три части:

1. видения, показанные Ерму старицей, изображающей собой Церковь;
2. заповеди, преподанные Ерму Ангелом, явившемся ему в виде пастыря и назвавшим себя “Пастырем”;
3. притчи или подобию, показанные Ерму также Ангелом-Пастырем.

Видений было четыре:

- первое – касалось самого Ерма;
- второе – более его семейства;
- третье – внутреннего устройства Церкви Божией;
- четвертое – внешней судьбы Церкви и всех спасающихся.

Видения знакомят нас с Церковью, явившейся ему в образе женщины. С самого начала Ерм видит ее ветхой старицей, сидящей на кафедре в знак того, что дух верующих обветшал и ослаб от их грехов. Но после того как Бог укрепляет их откровениями и они ободряются, – в другой раз она является с более молодым лицом, но все еще старческим телом. Наконец, в третьем видении Церковь юная и красивая от того, что души верующих ободряются и многие из них покаются.

Далее, пред Ермом открывается величественный образ Церкви в виде строящейся грандиозной башни. Камни, из которых строится башня, означающие непорочных христиан, хорошо укладываются в здание; те, которые означают христиан, которым надлежит покаяться, кладутся рядом с башней, другие – отбрасываются прочь – это отступники, которым по причине их грехов не приходит даже мысль покаяться.

В четвертом видении Ерм встречается с надвигающимся гонением. Оно имело образ страшного зверя. Но Ерм, ободренный словом Господа: “Не сомневайся, Ерм”, смело проходит мимо гонения и видит прекрасную деву – Церковь, которая после прошедшего гонения имела вид невесты, выходящей из брачного чертога. Так это бедствие должно будет очистить и освятить Церковь, чтобы

она была, как писал ап. Павел: “...славной Церковью, не имеющую пятна или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна” (Еф. 5.27). Общий смысл четырех видений заключается в том, что Церковь утратила прежнюю святость, но это временное явление.

Двенадцать заповедей, данных Ангелом-Пастырем Ерме, представляют собой серию моральных предписаний, похожих на “Дидахи” и, возможно, частично предназначенных для наставления новообращенных. Они затрагивают такие темы, как вера в Бога, простота и щедрость, избегание лжи, воздержание от похотей и развод, печаль и терпение, дела Божии и дьявольские, молитва и сомнение, истинные и ложные пророки, а также удаление от недобрых желаний. Подобные заповеди как бы рассыпаны среди видений и притч.

Заповеди представляют собой образец типичного христианского учения, иллюстрированного любопытными образами и иносказаниями, как, например, присутствие двух ангелов с человеком и их влияние, обнаруживающееся в конкретных жизненных ситуациях (Зап. IV). Они предназначались для того, чтобы быть записанными Ермом и с этого дня передача их людям – будет служением Ерма, порученным ему самим Пастырем (Зап. XII, 2).

Фаррар отмечает, что учение “Пастыря” очень сходно с языком Иакова: “В менее резкой форме, но все-таки еще с некоторыми преувеличениями, Ерм, автор знаменитого “Пастыря”, отражает в своей книге учение св.Иакова” [14, с.148]. Которое, по словам Фаррара, отличалось суровым иудейским аскетизмом. Он принимает Евангелие, но ему оно все еще представляется в качестве закона. Даже, когда на Иерусалимском соборе Петр предлагает свободу язычникам, то Иаков, принимая эту свободу, предлагает свои ограничения. Корни иудейского окружения чувствуются и в его морали, которые (по замечанию Buttrick) [18, с.584] восходят к еллинистско-иудейскому учению со слабо приданной христианской перспективой. Так же он отмечает слабый стиль книги, перегруженной семитизмами, что не может не указывать на связь с иудейством. Интересно его (Ерма) упоминание иудейской книги Еладад и Молада в Видении II, 2.

Следующие за Заповедями десять Притч представляют собой иллюстрации различных библейских истин: в них говорится о небесном гражданстве христиан, взаимоотношениях бедных и богатых, праведных и неправедных в веке сем, истинном постве, наказании согрешивших, венцах христиан, покаянии и милостыне. В Притче 9 мы снова встречаемся со строительством башни, которая являет собой Церковь (Вид. III). Башня все еще строится, но ее строительство на время приостановлено для того, чтобы дать возможность покаяться согрешившим. Возможно, после возвещенного Ерме дня покаяния башня будет достроена и придет Господин Церкви.

Богословские аспекты

Через всю книгу отчетливо проходят две христианские доктрины – строительство Церкви и прощение греха. Также представлена и христология, но гораздо менее ярко, чем первые две.

Экклезиология

Тема строительства Церкви поднимает откровение Ерма выше уровня апокрифического произведения. Автор пытается раскрыть перед нами Божий замысел о Церкви Божией, который в Священном Писании представлен как “тайна, сокрытая от веков и родов”, но открытая ныне по милости Божьей всем уверовавшим во имя Иисуса Христа (Кол. 1.24-27). Идея о предвечном существовании Церкви, которая была открыта новозаветным авторам (Евр. 3.2-12), находит свое отражение в словах юноши, который являлся Ерме во сне. На вопрос: “Почему женщина, являвшая собой Церковь Божию, так стара?” ему дан ответ: “Потому что сотворена она прежде всего, то и стара, и для нее сотворен мир” (Вид. II, 4).

Экклезиология “Пастыря” представлена образами созидания Церкви в виде строящейся величественной башни. Башня строится из различных камней, символизирующих верующих. Среди них есть мученики и исповедники, есть те, кто обрastaя мирскими заботами и богатствами – бесплоден для Бога, есть и те, кто увлекшись миром и совратившись вслед сатаны, навсегда отпали от спасения во Христе и не хотят обратиться. Башня строится на водах (которые символи-

зируют крещение), основана словом Всемогущего Бога и держится силой Его (Вид. III,3). Строится же большим количеством Ангелов и поддерживается семью девами, каждая из которых представляет персонафицированную добродетель.⁷

В Притче 9 мы вновь встречаемся с образом строительства Церкви в виде башни, но теперь она строится на древнем камне, с новой дверью, что означает Сина Божьего, бывшего прежде всякой твари и явившегося в последние дни, чтобы стать дверью спасения для людей. Строится башня на большом поле среди двенадцати гор, что означают различные народы земли (среди них проповедано Слово Божие). Строят ее Ангелы, которые приносят камни с различных гор, а потом с поля. Помогают в этом процессе им двенадцать дев, которые являются силами Сына Божьего. Никто, не облакаясь в эти силы, не может войти в башню. Позже приходит и Господин башни чтобы испытать строение.

Образ Церкви, как строящегося здания, был представлен еще в экклезиологии Павла. Он пишет: “Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем” (1Кор.3.10). Строение ведется различными материалами, но в конце концов будет испытано и может не устоять. Ерм также предполагает испытание строения. Великий муж, Который есть Сын Божий, подходя к каждому камню, подвергает его испытанию. Некоторые камни, оказавшись негодными, удаляются от башни, но могут вернуться через покаяние.

Эта тема в мировоззрении Ерма носит эсхатологический характер, что выражается в том, что ныне строящееся здание Церкви может быть с минуты на минуту завершено. Очевидно, когда Ерм читал это послание в церкви, его современники должны были ясно осознавать, что недостающие камни в башне могут занять свое место и каждый кающийся грешник может быть последним камнем, после которого придет Христос как Господин. И как в притче о талантах (Мф.25.14-30; Лк.19.12-27), Он спросит каждого в соответствии с тем, что ему было дано.

⁷ Эти семь добродетелей согласуются с семью плодами духа (Гал.5.22-23).

В этих образах Ерма возмущается о тех великих делах, которые скрыты от человеческого взора, но открывшись, они должны вызвать в христианах тревогу за свое положение в строящейся Церкви и покаяние, потому что “здание” Церкви может быть построено в любое время и нерадивые останутся недостойными войти в ее.

Понимание и представление образа Христа Еромом, по мнению Свенцицкой, очень близко к иудео-христианству. Здесь, как и в Дидакхе, Иисус – раб Божий и одновременно Его Сын. Появляясь в притче о виноградарях, которая представлена иначе, нежели в Евангелиях Мф.21.33–41, Мк.12.1–9, Лк.20.9–16, Иисус, как добросовестный раб, хорошо справляется со своей задачей и заслуживает похвалу хозяина. Благодаря своим заслугам, он становится наследником возделанного им виноградника. Возможно, здесь нашли отзвук слова, сказанные о Христе: *“Но уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек”* (Фил.2.7). Ерма так пытается объяснить образ Христа, чтобы он был приемлем для всех христиан, сохранив традицию Воскресения во плоти и в то же время, представив равным Богу. Очевидно, скромная фигура галилейского пророка не отвечала нуждам и чаяниям христиан, желавшим чудес. Отсюда происходит усложнение Его образа в произведении. В общем же тема спасения по вере во Христа и Его славный вид в небесных обителях, исполненный мудрости и силы, довольно четко проступает в тексте как понятные и принятые Еромом и его окружением [9].

Нравственные аспекты

I. Извечная тема греха и прощения, волновавшая христианство с первых дней его существования, обстоятельно представлена в писании Ерма. Это была проблема и самого Ерма, его семьи, и всей Церкви.

Во время написания “Пастыря”, в Церкви еще существовало пророческое вдохновение (1Кор.12,10), и дар назидательного слова, свободно действовал в богослужебных собраниях верующих (Вид. III, 9. Зап. VI). Сам Ерма имел поручение говорить к собранию святых (Вид. III, 8. IV, 3), и каждый мог говорить в нем, кто был исполнен Святого

Духа. При всем том время юности и свежей поры Церкви миновало. Церковь являлась Ерма старицею в знак духовной слабости членов ее. Христианская жизнь во многих отношениях утратила совершенства, какими она была украшена в апостольский век, так что сделалось необходимым всеобщее покаяние.

Общий нравственный упадок христианской жизни состоял в преданности мирским делам. Развлеченные и ослабленные мирскими делами христиане, впали в беспечность в служении единому Богу (Зап. IV); занятия языческие довели некоторых до того, что по своим суетным делам они обращались с вопросами к ложным прорицателям (языческим), и при этом впадали в идолослужение (Зап. X, 2), а некоторые из привязанности к благам мира сего оказались во время гонений неверными Богу (Прит. VIII, 8. Вид. III, 6).

Были христиане только по имени, которые не имели веры и не приносили никакого плода истины (Прит. IX, 19); иные уверовали, но по сомнению своему оставили путь истинный, думая, что могут найти лучший путь (Вид. III, 7); другие по надмению своему хвалились всезнанием и принимали на себя вид учителей (Прит. IX, 22); некоторые развращали рабов Божиих, не допуская их обратиться к покаянию (Зап. VIII, 6) [2].

Служители церкви порицаются за несогласия между собою и споры о преимуществах (Вид. III, 9. Прит. VIII, 7. См. IX, 23. 31), и вообще за невнимательность к своему собственному поведению (Вид. III, 9).

II. В “Пастыре” ясно говорится, что нет греха или преступления, в котором нельзя было бы покаяться, кроме хуления Бога и Христа. Даже лжеучителям, отрекшимся от Христа и прелюбодеям остается возможность покаяния (Зап. IV, I, 1, 2, XI). Однако подчеркивается постоянно, что покаяние должно быть незамедлительным.

В видении, где изображается строение Церкви, согрешающие представлены в образе камней, оказавшихся непригодными для постройки. Однако их не отбрасывают совершенно, но обдeldывают, прилагают, и тогда уже признают окончательно непригодными, когда не остается более средств для их обработки. Только камни, символизирующие тяжких грешников, прежде всего вероотступников, отбрасываются навсегда.

В другой притче люди с полусохшими ветвями (символизирующие верущих со слабой верой, “ни живые, ни мертвые” по духу), поручаются Ангелу покаяния, чтобы он употребил все средства для их оживления и только после этого принимается решение об их дальнейшей судьбе. Смысл притч в том, что от преступающих заповеди Христовы Бог непрестанно ожидает покаяния и исправления, чтобы и они могли войти в Небесную Церковь.

Анализируя покаяние человека в связи с наставлением “Пастыря”, трудно изобразить все степени повреждений, производимые грехом в духе нашем и какое покаяние нужно нести каждому для умилоствления Бога и успокоения совести. Не случайно Ерм задает вопрос Ангелу-Пастырю: “Господин, я слышал, от некоторых учителей, что нет иного покаяния, кроме того, когда сходим в воду и получаем отпущение прежних грехов наших”. На что ему был дан ответ, что Господь сожалел над Своим творением, зная слабость людей и злобу диавола, и если кто, будучи искушен от диавола, согрешил, — имеет одно покаяние. Если же он часто будет грешить и потом каяться, — не послужит ему это в пользу (Зап. IV, 3).

“Пастырь” под покаянием в обширном смысле разумеет самое возрождение человека во Христе, всю ту перемену, какую производит в обращающемся благодать Христова чрез крещение. Это есть единственное, истинное, великое покаяние, по призванию Самого Бога. Человеку не должно возвращаться к грехам своим, для которых он умер; но если он опять будет грешить, то уже не повторяется прежнее обновление, а только отпускаются грехи. Но и это покаяние имеет пределы. Трудно такому человеку жить для Бога, потому что он кается неискренно, потому, что он все больше и больше живет для мира. Наконец, достигнет и такого состояния, что обращение его будет даже нравственно невозможно. (Вид. II. Зап. IV).

Как и у ап. Павла (Евр.6.4-6) говорится не о том, что покаяние не может повторяться, но о том, что внутренне обновление человека, принявшего все дары благодати и, несмотря на это, опять возвращающегося к прежним беззакониям своим, делается невозможным, потому что он презрел все средства спасения, кроме которых нет дру-

гих; так и у Ермы указывается на подобное же состояние людей, отпадающих от Бога и, через повторение грехов своих, теряющих самую возможность истинного обращения к Нему.

Что “Пастырь”, проповедуя одно покаяние, не противоречит самому себе, это видно из его собственного объяснений слов своих (Зап. IV, 3) [8]. Возвращение этого покаяния было миссией небесного Посланника, явившегося Ерме. Перед лицом грядущих гонений христианам дается второй шанс покаяния (позиция совершенно неприемлемая для монтажников). Покаяние будет спасительным даже для тех, кто совершил тяжкие грехи, исключая вероотступников.

III. Другой ведущей темой нравственно-го учения “Пастыря” является тема служения Богу и маммоне (Мф.6.24). Члены церкви порицаются за роскошь и изнеженность, которые несовместимы с обязанностями рабов Божиих. Многие были преданы чувственным удовольствиям, одни пользуясь творениями Божиими, не уделяя бедным изымающим в нужде (Вид. III. 9. Зап. VIII). Поэтому даже пост заповедуется Ерме с той целью, чтобы сберечь остаток средств, сэкономленных благодаря посту, для благотворения бедным (Прит. V, 3). Особенно же часто внушается мысль о богатстве как препятствии к вступлению в Царство Божие, если богатство не обсекается, т.е. излишек его, остающийся после удовлетворения естественных необходимых потребностей, не употребляется для вспоможения нуждающимся (Вид. III, 6. Прит. IX, 20) [1].

Мысль о необходимости благотворительности проходит через все сочинение Ермы. Богатые станут угодны Богу, когда уменьшат свои богатства путем благотворительности. Он даже пытается обосновать взаимную зависимость богатых и бедных: первые, отдавая часть своего богатства, становятся угодными Богу благодаря тому, что бедные молятся за них, живя за счет подаяния. Если богатый человек знает о жалком положении бедняка и не благотворит ему, то смерть последнего вменяется ему в вину. Ерм видит Божественное призвание богатых в помощи бедным, что можно без труда увидеть в Притче II, где в иносказательных образах виноградной лозы и вяза видится гармония богатства и бедности. Богатый имеет

много сокровищ, но беден для Господа, мало молится, и если имеет какую молитву, то она слаба. Но когда он благотворит бедному, то бедняк благодарит Бога за богатого и молит о ниспослании ему большего благословения. Само же богатство Ерма, очевидно, считает злом, аргументируя это тем, что оно может быть причиной отступления во время гонения.

Ерма не только выступает против богатых вообще, особое осуждение он высказывает в адрес тех христианских служителей, которые наживаются за счет средств верующих. Так, он говорит о диаконах, “которые худо исполняли служение, расхищая благовидов и сирот и сами наживаясь от своего служения”.

Против такого упадка духовной жизни верующих Ерма является со своею проповедью о покаянии, чтобы восстановить и обновить ослабленные грехами духовные силы христиан и освежить жизнь Церкви, одряхлевшую в ее членах.

Ерма пророчески возвещает: близок конец мира, скоро построение башни-Церкви окончится (Вид. III, 8), но Бог дал еще срок для покаяния, допустил перерыв в строении, чтобы люди могли покаяться и спастись (Прит. IX, 5, 14. Прит. VIII, 2); есть еще покаяние для рабов Божиих, но оно ограничено (Вид. II, 2) близким окончанием строительства башни.

Таким образом, увещание к покаянию и раскрытие нравственных условий его составляет задачу и содержание книги “Пастырь”.

Заключение

Давайте попробуем на миг оторваться от нашего времени, вместе, чтобы вкушать тот хлеб и пить из той чаши. Люди, живущие среди враждебного языческого мира, от которого придти в церковь времен Климента и Поликарпа, и увидеть тех, о которых было сказано, что не многие сильны по плоти, не многие мудры, но избраны благодатью Божьей. Они были как овцы, взятые для заклания, когда собирались они хотели бы убежать в пустыню, но оставаясь среди своих родных и близких, они были постоянно подвержены тем же искушениям, с которыми встречаемся и мы каждый день. Нам может показаться скучным аллегоризм Ерма и его порой странная категоричность, но для тех, которые жадно впитывали духовные настав-

ления, когда старший в церкви провозглашал: “Теперь послушаем наставление, данное Ерма от небесного Пастыря...”, для них казалось великим понять небесные образы, говорящие об их жизни. Он слушали, плакали и снова шли в этот жестокий мир сиять как светильники во тьме.

Для них, возможно, не было настолько важным литературное несовершенство книги, поздняя дата ее написания, и присутствие в ней порой ярко выраженных человеческих вымыслов (что очевидно послужило причиной более позднего отвержения этого произведения). В то время, когда монтажисты провозгласили, что однажды ослабевший в вере христианин не может быть помилован, “Пастырь” давал утешение тем, кто однажды смалодушничал и теперь искал прощения. Нравственные наставления, переданные Ангелом-Пастырем, – все суть евангельские и в них верующие могли черпать многочисленные уроки послушания Богу. Поэтому “Пастырь” имел и имеет высокое назидательное достоинство.

В наши дни, когда мы стараемся понять и перенять от первых христиан их искреннюю веру и чистоту христианской жизни, те же самые Видения, Заповеди и Притчи могут оказать духовную помощь нам. Пусть нам не известен подлинный автор “Пастыря” и само произведение мы не можем воспринять как чистое Божественное откровение, но мы можем научиться из него послушанию Богу, обретению мира с Ним через покаяние. Открывая страницы “Пастыря”, будем помнить наставление ап. Павла: “*Все испытывайте, хорошего держитесь*” (1Фес.5.21).

Библиография

Издания

Hermas. Le Pasteur. Texte, intr., trad. et notes par R. Joly. Reimpression avec suppl.: P., 1966 (SC 53 bis).

Источники

1. Писания мужей апостольских. (В рус. пер. с введ. и прим. свящ. П.Преображенского) СПб., 1862. – с.181-346.
2. Писания мужей апостольских. Реприн издания 1895 года (Введени, перевод с греч. и прим. прот. П.Преображенского). Дополнения: введения, перевод с греч. и прим. свящ. В.Асмуса и А.Г. Дунаева. – Рига: Латв. Библ. общ. – 1992.

3. Ранние отцы церкви. Антология. Брюссель: "Жизнь с Богом", 1988. – с.159-252.
4. "Христианское чтение", 1838.
5. Roberts A., Donaldson J. Ante-Nicene Fathers Michigan: Erdmans. v. II, 1989, p. 9-55.

Литература

6. Проф. В.В.Болотов. "Лекции по истории древней церкви", ч. II. "История церкви в период до Константина Великого". СПб., 1910. (1907).
7. Евсевий Кесарийский. Церковная история. Сочинения. Том 1, СПб., 1858. (Лит. по ист. раннего христианства).
8. "Воскресное чтение". 1849, № 13, с.138-151.
9. Свенцицкая И.С. Тайные писания первых христиан. Изд. 2-е. М., 1981. – 288 с.
10. Свенцицкая И.С. Апокрифические Евангелия. М., Прищель, 1996. – 200 с.
11. Памятники христианской письменности. Изд. 2-е. П.Преображенский, 1866.
12. Поснов М.Э. История христианской церкви. Брюссель: "Жизнь с Богом", 1964. - с.165-170.
13. Лопухин А.П. Православная Богословская энциклопедия. Петроград. т.5. 1904. – с.494-495.
14. Фаррар Ф.В. Первые дни христианства. СПб., 1888. – с.146-148.
15. Еп.Феофан (Говоров), Затворник. Четыре беседы по руководству книги "Пастырь" Ермы. М., 1892. В сокр. ЖМП, 1973, №2. с.32-36; №3, с.31-32.
16. Феогност (Дерюгин), архим. Книга тайновидца Ерма "Пастырь". ЖМП, 1957, № 9, с.50-53.
17. Michaels I. R. Apostolic Fathers. Bromiley G.W. The International standart Bible Encyclopedia, Michigan: Eermans, 1956, v.1, p.203-217.
18. Buttrick G.A. The Interpreter's dictionary of the Bible, New York: Abingdon Press, 1962, p.583-584.
19. Fookes - Jackson F.J. The history of the Christian church, New York: George H.Doran Company, 1927, 648 p.
20. Douglas I.D. Who's who in Christian history, Wheaton: Tyndale House Publishers, Inc, 1992, p.317-318.
21. Quasten J.Patrology, westminster: Christian classik, 1992, p.153-154.
22. Roberts A., Donaldson J. The Ante-Nicene Fathers Michigan: Eerdmans, v.II, p.3-8, 56-58.
23. Jackson S.M. The New Schaff - Herzog

Encyclopedia of Religious Knowledge, New York, London: F. and W. Company, 1909, v.5, p.240-241.

Рекомендуемая литература

24. О целомудрии. ЖМП, 1983, № 6, с.48.
25. Скворцов К. Когда написана книга "Пастырь"? ТКДА, 1872, т.3, № 10, с.205-241.
26. Благоразумов Н., прот. Свято-отеческая хрестоматия, М., 1883, с.26-40.
27. [Аноним.]. Чтение о святых Отцах, "Воскресное чтение", 1849, № 13, с.138-151.
28. Крутиков Т. Мужья Апостольские, ВЕВ, 1892, № 2, с.41-45.
29. Гусев Д. Чтение по патологии. Вып.1. Пс, 1896, т.1, с.76-142.
30. Смирнов И. Очерк истории духовного просвещения в древней христианской церкви (II - IX вв.). ЧОЛДП, 1871, июнь, с.13-19.
31. Писарев А.И. Очерк из истории христианского вероучения патристического периода, Казань, т.1, 1915 г.
32. Керн К., архим. "Пастырь" Ерма. Вестник РХД, № 151 (III - 1987 г.), с.43-63.
33. Папков А.А. Писание мужей Апостольских, БВ, 1911 г, т.1, № 3, с.449-466.
34. Lake, K. The Shepherd of Hermas and Christian Life in the Second Century. HTR, IV (1911), 25-46.
35. Watkin, O.D. A History of Penanse. 1920, I. 47-72.
36. Wilson, W.J. The Cereer of the Prophet Hermas. HTR, XX (1927), p.21-62.
37. Seitz, O.J.F. Relationship of the Shepherd of Hermas to the Epistle of JBL, LXIII (1944), p.131-140.
38. Chandwick, H. The New Edition of Hermas, JIS, H.S., VIII (1957), 272-80.
39. Grant, R.M. Apostolic Fathers: A New Translation and Commentary, 1964.
40. Whittaker, M. Die apostolischen V(ter, I: Der Hirt des Hermas (1956; in the Corpus of the Berlin Acedemy).
41. Joly, R. Hermas, Le Pasteur (Sources Chretien-nes, no. 53; 1958).
42. Rahner, K. Die Busslehre im Hirten des Hermas, Zeitschrift f(r katholische Theologie, LXXVII (1955), 385-431.
43. Müller, M. Der übergang von der griechischen zur lateinischen Sprache in der adendündischen Kirche von Hermas bis Novatian. Diss. Rome, 1943.